

Обзорная статья
УДК 372.881.1 (571.54)
DOI 10.18101/2686-7095-2025-1-45-53

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ БУРЯТСКО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

© Хабибулина Анна Михайловна

аспирант,

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина

Россия, 664040, г. Иркутск, ул. Дмитрия Донского, 25

annakuula@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время остро стоит проблема сохранения бурятского языка, особенно в детской среде. Обсуждение данной проблемы невозможно без знания диахронического аспекта развития бурятско-русского двуязычия, которое существует в трех регионах Российской Федерации: Республика Бурятия, Агинский Бурятский округ Забайкальского края, Усть-Ордынский Бурятский округ Иркутской области. Исследования по проблемам бурятско-русского двуязычия проведены с ориентацией на Республику Бурятия, Агинский Бурятский округ. Двуязычие на территории Иркутской области, к сожалению, системно не описано. В статье авторы поставили цель рассмотреть развитие бурятско-русского двуязычия в процессе многовекового взаимодействия и смешения разнородных этнических групп на современной территории Иркутской области. Изучение научных трудов известных ученых историков, этнографов, социологов, педагогов, лингвистов позволило автору выявить пути и способы развития бурятско-русского двуязычия на территории Прибайкалья. Диахронический анализ позволил выявить факторы развития бурятско-русского и русско-бурятского двуязычия, повлиявшие на его изменения. Результаты исследования послужат основой, предпосылкой в построении методической системы формирования бурятско-русского двуязычия, русско-бурятского двуязычия и условием сохранения бурятского языка в детской среде.

Ключевые слова: бурятский язык, двуязычие, бурятско-русское двуязычие, русско-бурятское двуязычие, исторические сведения, коренные народы, взаимодействие национальных языков, факторы развития, лексические заимствования, многонациональное общество.

Для цитирования

Хабибулина А. М. Диахронический аспект бурятско-русского двуязычия на территории Иркутской области // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2025. Вып. 1. С. 45–53.

Введение

Несмотря на многочисленные усилия проблема сохранения и развития бурятского языка все еще остается достаточно острой, особенно в детской среде [1, с. 21]. В целях определения оптимальных путей и методов обучения бурятскому языку в аспекте развития бурятско-русского, русско-бурятского двуязычия необходимо изучить влияние контактирующих языков на формирование активного билингвизма в диахроническом аспекте.

Многоязычие — совместное использование двух и более языков в повседневной жизни людей — представляет собой социальное явление в эпоху до появления книгопечатания, государственного образования и государственных языков.

Формирование нынешних коренных народов Прибайкалья является результатом многовекового процесса взаимодействия и смешения самых разнородных этнических групп. Особенности географии Восточной Сибири влияли на постоянные миграционные потоки с востока на запад и с запада на восток — так как именно Прибайкалье явилось одним из удобных «миграционных коридоров», который успешно функционирует и сейчас. При анализе процесса функционирования бурятского языка на территории Сибири без исторического экскурса невозможно обойтись.

Развитие бурятско-русского двуязычия

Русские казаки и переселенцы в XVII в. активно проникали в Восточную Сибирь. Как пишет Кудрявцев, «народы Прибайкалья относительно мирно вошли в состав Российской империи. Буряты наряду с эвенками и тофаларами участвовали в охране границ. Многие из местных жителей, будучи «тэнгрианцами», приверженцами древних языческих культов, под влиянием русских миссионеров приняли православие [2].

Прочно установившееся вслед за вхождением в состав Русского государства двуязычие в Восточной Сибири имело в своей основе, прежде всего, демографический фактор. Постепенно увеличивающееся русскоязычное население края — крестьяне, купцы, казаки — способствовало распространению русского языка среди аборигенов, но, в свою очередь, для осуществления хозяйственно-экономических и культурных связей они использовали местные языки (прежде всего бурятский). Владение бурятским языком было залогом успешного сотрудничества во всех жизненных ситуациях.

Исторические сведения о Сибирском регионе сохранились в трудах И. С. Полякова и П. А. Кропоткина, которые отметили факты и особенности языковой ситуации того времени. Адъютант военного губернатора Забайкальской области ссыльный князь П. А. Кропоткин в своем дневнике пишет, что «казаки и казачки говорят по-бурятски не хуже, чем по-русски, и выучиваются этому языку с самого раннего возраста» [3, с. 18]. Наблюдения Кропоткина подтверждает в своем научном отчете для открытого в Иркутске Сибирского отделения Русского географического общества И. С. Поляков, известный ученый и путешественник: «в среде самих русских жителей бурятский язык распространен так же, как французский в среде европейской аристократии; его знают старый и малый, мужчины и женщины. Мужчины в особенности, они не только с бурятами, но даже между собой объясняются по-бурятски» [4, с. 115].

Из прагматических соображений русское население осваивало бурятский язык как необходимое условие успешных торговых отношений. А. Жалсараев отмечает, что по свидетельству современника, путешественника Дж. Кохрена, «очень значительная и прибыльная торговля ведется с прилегающими населенными пунктами, а именно с бурятами, которых очень много, они зажиточны, имеют пушнину, скот» [5]. При всем этническом многообразии забайкальского казачества в его среде бурятский язык был наиболее распространен.

Развитие русско-бурятского двуязычия

Со временем этнический состав изменился, и определяющее значение в этом имели в равной степени экономические и политические причины — строительство Транссиба, Октябрьская революция 1917 г., масштабное хозяйственное освоение и индустриализация Сибири, Великая Отечественная война. Вполне естественно, что бурятский язык уже не имел широкого распространения среди многочисленных переселенцев со всех концов Российской империи и Советского Союза и его функционал свелся к общению внутри этноязыковой группы.

Продвинувшись на восток более чем на пять тысяч километров от исторической родины, русские казаки, землепроходцы и служивые люди попали в такую языковую среду, где многие лексемы оказались им знакомыми. Это не могло не сыграть своей положительной роли в становлении и дальнейшем взаимодействии и взаимопроникновении языков и культур [6, с. 28; 7, с. 357].

Начало русско-бурятских отношений отмечено развитием русско-бурятского двуязычия, когда бурятское население знало русский язык хуже, чем русское население бурятский. Особенности местных природных условий, приметы и обычаи, выделка и пошив меховых изделий, изготовление домашней утвари, сельскохозяйственных инструментов и различных орудий труда — обо всем этом русскоязычное население узнало благодаря общению с бурятами на их родном языке.

Совместное обитание с бурятами во многом изменило обычаи и традиции русского населения. По меткому наблюдению сибирского историка А. П. Щапова, русские, по примеру бурят, готовят «секшу» (вареная кровь животного), едят полусырое мясо с ножа и «айрак пьют» (пьют вино, только не из кобыльего, а из коровьего молока). Как пишет Щапов, «мало того, в самом умонастроении, в понятиях и верованиях русское население Прибайкалья значительно ассимилировалось с бурятским» [8, с. 119].

В книге А. П. Щапова «Историко-этнографические заметки о сибирском населении» находим интересную запись: «Занимаясь по примеру бурят больше скотоводством, чем хлебопашеством, русские и в умонастроении своем во многих отношениях более походят на бурят, чем на русских, много усвоили бурятских понятий, суеверий, примет и привычек. В домашних делах и обычаях русское забайкальское население немало усвоило изделий, обычаев, поступков и сноровок бурятских. У бурят русские заимствовали умение, или обычай, выделывать пуговицы и корольки из разных костей. У бурят русские переняли обычай и искусство делать черешки костяные по бурятскому образцу. По-бурятски они же научились делать разные вещи, относящиеся к конской сбруе, — треножки, узды и прочее. Подражая бурятам, русские приучают посредством стреноживания, по всем правилам бурятского наезднического искусства самых диких степных лошадей оставиваться, куда приедут, и стоять без привязи на одном месте. У бурят они заимствовали и все принадлежности седлания лошадей, удержав и названия бурятские» [8, с. 120].

Естественно, что в этих условиях бурятский язык глубоко проникал в быт русского населения, становился средством межнационального общения. Факт количественного доминирования бурят также позволяет говорить о ситуации русско-

бурятского двуязычия на тот момент, что было обусловлено объективными социальными причинами, а также наличием прочных экономических и хозяйственных связей.

В силу целого ряда объективных причин русских переселенцев не могло быть много: именно эти годы (конец XVII — начало XVIII в.) ознаменованы резким усилением крепостничества в России, весьма активной внешней политикой Русского государства, множеством крупных войн, требовавших значительного привлечения народа. Поэтому массовое переселение в Сибирь было невозможно. Вместе с тем, по данным целого ряда авторитетных источников, именно в это время наблюдается взрывной рост числа «пашенных крестьян». Источником этого роста явились местные жители, в первую очередь буряты, среди которых пашенное земледелие существовало за тысячу лет до прихода русских. Переход бурят из категории «ясачных» (плативших подать пушниной) в категорию «пашенных» (плативших подати хлебом) в правовом отношении и в государственной статистике учета означал, что их причисляют к крестьянскому сословию. Поскольку учет по национальностям в российском государстве отсутствовал, пашенные буряты получили общие государственные и гражданские права и приобрели общие обязанности [9, с. 87; 10, с. 89].

Начиная со второй половины XVIII — начала XIX в. буряты усиленно занимаются земледелием и у русских обучаются способам хлебопашества, приобретают навыки культивирования сельскохозяйственных растений, а также орудия производства. Вместе с приобретением навыков сельскохозяйственного труда осваивают лексику, т. е. происходит усиление влияния русского языка на бурятский язык.

Из статьи В. П. Гирченко «Декабристы братья Бестужевы на поселении в Селенгинске»: «декабрист Н. А. Бестужев писал: “Они (буряты) выучились пахать землю, зато, в свою очередь, русские теперь переняли у них искусство орошения, и везде, где есть возможность перенять горную реку или ручей, у нас, за Байкалом, поля покосные и пашни поливаются”» [11, с. 5].

На основе общего интереса, возникающих потребностей взаимопомощи русские и буряты не только обучают друг друга сельскохозяйственному и животноводческому труду, у них развивается двуязычие.

А. М. Селищев, опираясь на работы А. П. Щапова и Н. М. Ядринцева, писал: «О враждебных отношениях между русскими и бурятами говорить не приходится, наоборот, их в полной мере можно назвать добрососедскими, не редкость брачные связи между теми и другими». Далее указывается на то, что они объясняются между собой по-бурятски [12, с. 105]. Это дает нам право утверждать о первоначально возникшем русско-бурятском двуязычии как о социальном феномене. Языковая политика выстраивалась «изнутри», без агрессии и насилия, на основе социальных потребностей обеих наций.

К началу XIX в. двуязычие было уже обычной практикой среди бурят, но проявлялось это гетерогенно. Здесь, несомненно, играла роль и близость к крупным городам и торговым центрам, и вовлеченность бурятского населения в различные сферы деятельности. Так, формирование Забайкальского казачества (во все времена имевшего в своем составе весьма значительную «бурятскую» составляющую)

щую — от 60–80 % в XVIII в. до 30–35 % в начале XX в.) прямо и непосредственно побуждало казаков-бурят в той или иной мере осваивать «командный» русский язык — это было неперенным условием службы. Значительную часть бурят составляло сословие ямщиков, весьма многочисленное в Прибайкалье, обслуживающих «северный завоз» — перевозку грузов в речные порты р. Лены, чтобы в навигацию отправлять их в отдаленные районы Якутии. Эта деятельность также требовала владения русским языком, хотя бы на уровне разговорного, и минимальных навыков чтения сопроводительной документации на грузы.

Все это, а также вовлечение бурят в торговые отношения с городским (русскоязычным по преимуществу) населением и карьерные соображения, требовало от активных представителей бурятского народа освоения русского языка, что было неперенным условием делового успеха и адаптации к привлекательной и доходной жизни городов — потребителей производимого сельскохозяйственного продукта.

В уездном городке Балаганске 20 июля 1804 г. была открыта первая школа для детей бурят и называлась «Иноверческое училище». И как пишет Корейша, «полностью находилась на попечении “тамошних бурят”, как сказано в “Записке попечителя Казанского учебного округа”. Естественно, сразу же возникли трудности с учителями. Иркутский губернатор разрешил назначить учителем “ссылного из приказных Гавриила Надеждина”, который предварительно “по предложению губернатора подвергнут был экзамену по русскому языку”» [13, с. 14].

Балаганское и Онинское училища — первые официальные бурятские школы, здесь обучались не только дети-буряты, но и нерусские дети всей Сибири. Буряты во все времена стремились к знаниям, это утверждал еще В. И. Андреев, он пишет, что «еще в то далекое время буряты осознали необходимость и пользу овладения русской грамотой, русской разговорной речью и поняли цену русского образования» [14, с. 58; 15, с. 358]. До открытия этих училищ были образованные буряты, которые владели несколькими европейскими языками, кроме русского.

Я. Корейша в своей книге «Исторический очерк Иркутской губернской гимназии» пишет, что в 1790 г. в Иркутском главном народном училище был определен учителем-переводчиком наместнического (губернского) правления Федор Санжи-хаев, бурят, «родом из Забайкальских казаков» [13, с. 55]. Впоследствии он работал учителем в Троицкосавской войсковой русско-монгольской школе. В его же книге читаем, что «в XIX в. у бурят начала формироваться национальная интеллигенция. Появляются первые ученые-историки, этнографы, фольклористы, монголоведы. Именно в эти годы были восстановлены Идинское, Аларское и Нукутское училища. Дополнительно были открыты еще 15 училищ. По данным инспектора народных училищ Иркутской губернии, в 1896 г. на территории западных бурят было 17 училищ с числом учащихся 465 человек. Желание бурят обучать своих детей русской грамоте было большим. Учитель Нукутского училища Ф. П. Петелин пишет: «У бурят сильная потребность обучать детей (русской) грамоте, потому они нанимают у себя грамотеев для обучения своих детей. Такие школы имеются в каждом улусе» [13, с. 57].

Автор русско-бурятского букваря учитель Нукутского училища Н. С. Болдонов отмечал: «Северобайкальские буряты сами пришли к мысли об употреблении русских букв для изображений бурятских понятий. В последнее время не редкость

встретить между этими бурятами людей, научившихся русской грамоте и потом при помощи ее переписывающихся между собой на своем языке русскими буквами, и читающих, и понимающих переведенные на бурятский язык издания по-русски» [16, с. 35].

Дети-буряты учились с большим прилежанием и легко овладевали чтением и письмом на русском языке. В этих училищах работали истинные педагоги, которые бескорыстно, преданно трудились ради просвещения родного народа и способствовали формированию бурятско-русского и русско-бурятского двуязычия.

Немалая роль принадлежит и ссыльным декабристам, посвятившим себя просветительству в крае, несмотря на то, что им запрещалось заниматься педагогической деятельностью¹ [17, с. 47]. В правилах поведения им прямо указывалось, что политические ссыльные не имеют права «обучать малолетних детей греко-русской грамоте, так равно и пользоваться людьми» [18, с. 72]. Однако декабристы имели прямое отношение к формированию и развитию бурятско-русского двуязычия «именно в просветительстве декабристы нашли свое новое назначение» [11, с. 7].

В числе первых, кто изучил русский язык, были представители бурятской знати, а также буряты, работавшие на зажиточных русских. Так, например, есть сведения в книге М. Мельхеева «Происхождение географических названий Иркутской области» о меценате, представителе нарождавшейся бурятской буржуазии (30–50-е гг. XIX в.), крещеном буряте Аларского ведомства Бажее Косомове, который открыл в своем улусе православную церковь, школу и лечебницу, чем снискал известность. Прежний бурятский улус Нуга (луг) стал называться Бажеем и заселяться новокрещеными бурятами и русскими [19, с. 24].

Как пишет В. Битуев в своей книге «История школы Усть-Ордынского Бурятского автономного округа», «писари волостных управ и другие конторские служащие должны были изучать русский язык по долгу службы, причем не только его устную, но и письменную форму. Продолжили становление бурятско-русского двуязычия интеллигенция, учительство первых светских бурятских школ, и, безусловно, политические ссыльные, декабристы, содействовавшие открытию новых школ, а также вышедшие на вольное поселение, которые проводили активную деятельность в области образования местного населения [20, с. 86].

Заключение

Таким образом, в формировании и развитии двуязычия на территории Иркутской области можно выделить два направления. Первое — это двуязычие русских поселенцев (русско-бурятское двуязычие). На этом этапе развития бурятско-русского двуязычия русское население составляло меньшинство, они были вынуждены адаптироваться к новым жизненным условиям и налаживать новые для них хозяйственные и экономические связи. Развитие бурятско-русского двуязычия было обусловлено социальными и культурными причинами и явилось результатом взаимовыгодного общения бурят и русских.

Второе направление — это двуязычие бурят (бурятско-русское двуязычие), которое отмечено развитием бурятско-русского двуязычия, утратой бурятским языком общественных функций. Укрепили позиции русского языка также социальные

¹ Декабристы в Бурятии. Верхнеудинск: Бурят-монгольское общество им. Д. Банзарова, 1927. С. 37.

процессы XX в.: индустриализация, коллективизация, урбанизация и миграционные процессы в рамках переселенческой кампании начала — середины прошлого века. Заметную роль сыграли также языковые реформы, значительно повлиявшие на развитие бурятского языка.

Исследование, проведенное нами, позволяет сделать вывод, что проблемы межъязыкового взаимодействия — одна из актуальных проблем современной лингвистики и лингводидактики. Более тщательного исследования и теоретического осмысления требует современная социолингвистическая ситуация развития русско-бурятского и бурятско-русского двуязычия в Усть-Ордынском Бурятском округе Иркутской области.

Литература

1. Содномов С. Ц. Развитие родной бурятской речи детей дошкольного возраста как основа формирования глобальных компетенций // Научно-методический журнал Поиск. 2020. № 5(73). С. 21–24. Текст: непосредственный.
2. Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа. Улан-Удэ: Нова-Принт, 2020. 107 с. Текст: непосредственный.
3. Кропоткин П. А. Поездка в Окинский караул // Записки Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. 1867. Кн. 9–10. С. 1–95. Текст: непосредственный.
4. Поляков И. С. Отчет о поездке в Восточный Саян // Отчет о действиях Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1868 г. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и комп., 1869. С. 109–197. Текст: непосредственный.
5. Жалсараев А. Наш бурятский как их французский // МК в Бурятии. 2015. 27 мая. URL: <http://ulan.mk.ru/articles/2015/05/27/nash-buryatskiy-kak-ikh-francuzskiy.html> (дата обращения: 10.11.2024). Текст: электронный.
6. Иркутская летопись (Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова); с предисловием, добавлениями и примечаниями И. И. Серебренникова // Труды Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск: Паровая типография И. П. Казанцева, 1911. 418 с. Текст: непосредственный.
7. История Бурят-Монгольской АССР: в 2 томах. 2-е изд., испр., доп. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1954. 496 с. Текст: непосредственный.
8. Щапов А. П. Историко-этнографические заметки о сибирском населении // Собрание сочинений. Иркутск: Восточно-Сибирское обл. кн. изд-во, 1937. Доп. т. С. 119–120. Текст: непосредственный.
9. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск: ОГИЗ, 1949. 595 с. Текст: непосредственный.
10. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 2. Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1957. 673 с. Текст: непосредственный.
11. Гирченко В. П. Декабристы братья Бестужевы на поселении в Селенгинске // Декабристы в Бурятии. Верхнеудинск: Бурят-монгольское общество им. Д. Банзарова, 1927. С. 1–9. Текст: непосредственный.
12. Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск: 2-я государственная типография, 1921. Вып. 1. 297 с. Текст: непосредственный.
13. Корейша Я. Исторический очерк Иркутской губернской гимназии (1789–1805). Иркутск: Губернская типография, 1910. Вып. 1. 75 с. Текст: непосредственный.
14. Андреев В. И. Школьное образование у бурят в первой половине 19 века. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 97 с. Текст: непосредственный.
15. Андреев В. И. История бурятской школы (1804–1962). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 565 с. Текст: непосредственный.

16. Болдонов Н. С. Русско-бурятский словарь / ред. коллегия: П. Т. Хаптаев (главный редактор) [и др.]. Санкт-Петербург, 1866. 66 с. Текст: непосредственный.
17. Шатрова Г. П. Декабристы и Сибирь. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1962. С. 59. Текст: непосредственный.
18. Бахаев В. Б. Общественно-просветительская и краеведческая деятельность декабристов в Бурятии. Новосибирск: Наука, Сибирское отд-ние, 1980. 176 с. Текст: непосредственный.
19. Мельхеев М. Н. Происхождение географических названий Иркутской области. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1964. 90 с. Текст: непосредственный.
20. Битуев В. П. История школы Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. 175 с. Текст: непосредственный.
21. Дуринов А. А. К вопросу о влиянии русской педагогической мысли на просвещение Бурят-Монголии в связи с практикой преподавания русского языка и других предметов в дореволюционной школе // Ученые записки. Улан-Удэ: БМГПИ им. Д. Банзарова, 1955. Вып. VII. С. 53–68. Текст: непосредственный.
22. Бабушкин С. М. К проблеме русско-бурятского двуязычия // Вопросы бурятско-русского двуязычия: сборник научных трудов БГУ. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. Вып. 2. С. 136. Текст: непосредственный.
23. Балханов И. Г. Двуязычие и социализация. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2002. 254 с. Текст: непосредственный.
24. Балханов И. Г. Советская модернизация бурятского этноса в социально-антропологическом и социологическом аспектах // Традиции и инновации в этнической культуре бурят. Москва; Улан-Удэ, 1999. Вып. 5. С. 41–48. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 18.11.2024; одобрена после рецензирования 28.01.2025; принята к публикации 11.02.2025.

THE DIACHRONIC ASPECT OF BURYAT-RUSSIAN BILINGUALISM IN THE IRKUTSK REGION

Anna M. Khabibulina

Research Assistant,
Pushkin Russian Language State University
25 Dmitriya Donskogo St., 664040 Irkutsk, Russia
annakuula@yandex.ru

Abstract. The issue of preserving the Buryat language, particularly among children, is currently of great concern. Addressing this problem is impossible without understanding the diachronic aspect of Buryat-Russian bilingualism. This bilingualism exists in three regions of the Russian Federation: The Republic of Buryatia, the Agin Buryat Okrug of the Trans-Baikal Territory, and the Ust-Orda Buryat Okrug of the Irkutsk Region. While research on Buryat-Russian bilingualism has largely focused on the Republic of Buryatia and the Agin Buryat Okrug, the bilingualism of the Irkutsk Region remains largely undescribed. The article aims to examine the development of Buryat-Russian bilingualism over centuries of interaction and mixing of diverse ethnic groups in the present-day Irkutsk Region. By analyzing scholarly works from historians, ethnographers, sociologists, educators, and linguists, the authors identify the pathways and mechanisms of Buryat-Russian bilingualism in the Baikal region. A diachronic analysis has helped determine the factors influencing the development and transformation of Buryat-Russian and Russian-Buryat bilingualism. The article's findings will serve as a foundation for developing methodological approaches to fostering Buryat-Russian

А. М. Хабibuлина. Диахронический аспект бурятско-русского двуязычия на территории Иркутской области

and Russian-Buryat bilingualism and will contribute to the preservation of the Buryat language among children.

Keywords: Buryat language, bilingualism, Buryat-Russian bilingualism, Russian-Buryat bilingualism, historical context, indigenous peoples, interaction of national languages, developmental factors, lexical borrowings, multicultural society.

For citation

Khabibulina A. M. The Diachronic Aspect of Buryat-Russian Bilingualism in the Irkutsk Region. *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2025; 1: 45–53 (in Russ).

The article was submitted 18.11.2024; approved after reviewing 28.01.2025; accepted for publication 11.02.2025.